

Сергей ФРОЛОВ
(1936 — 2020)

ИЗ ЮНОСТИ

Мы работали во вторую смену на быткорпусе ударной комсомольской домны №2. Нас было четверо: Боря Лисичкин, Верочка Майнэ, крановщица башенного крана Клава и автор этих строк.

Верочка — миловидная девчонка с наивным доверчивым взглядом, привыкшая, видно, с детства к маменькиной любви и ласке. Ни в одном человеке не умела видеть она ни зла, ни недоброжелательности. Чуть похвалишь её, даже в шутку, вся засияет.

Сейчас Верочка привыкла, а раньше боялась подступаться к крану. Подают ей груз, она отбежит подальше и, пугливо трепыхая ладошками, кричит: «Майнэ, майнэ!» Это жеманное, смешное «майнэ» вместо «майна» и пристало к ней прозвищем.

У нас было задание: смонтировать лестничные марши в двух подъездах и переставить подмости от наружной стены, выведенной уже на отметку четвёртого этажа,

к средней капиталке, расставив по ним поддоны с кирпичом. Называлось это — приготовить фронт работы для первой смены. Тогда утром бригаде остаётся поднять лишь раствор и сразу начать кладку.

С неделю шли майские дожди, перемежаемые сиянием солнца. Трава лезла отовсюду, откуда бы ей сроду не расти — из-под промасленных шпал путей, из кучи сдвинутого кирпичного боя, межскладских конструкций. Аромат и свежесть послегрозового воздуха пробивался и сюда сквозь заводской газ. Небо, золотистое на заходе, выше бледнело и становилось влажно-льдистым, зеленоватым над нашими головами.

Здания старых цехов не давали своей прокопчённой мрачностью, стояли омытые, грозно-величавые в покое вечера, окутанные закатом, клубами пара и дыма. По переходам вокруг корпуса новой домны

невозмутимо прохаживались маленькие на своей высоте монтажники-верхолазы. Оттуда доносилось позвякивание металла, звёздным дождем летели сверху искры сварки. Выведенные по её корпусу большими буквами слова: «Даёшь комсомольскую №2!» — воспринимались особенно возбуждающе.

Работали мы дружно, в молчаливом согласии торопились выполнить задание раньше времени. Тут была своя, другая причина.

Наш Западный посёлок, где жили строители, стоит немного в стороне от города. Застроена пока одна только улица, и расположились на ней почти сплошь молодёжные общежития. Легко было представить, как все эти монтажники, арматурщики, штукатуры, каменщики, приедетые во всё лучшее, что у них имелось из нарядов, высыпали сейчас на улицу и пёстрым потоком движутся в одном направлении, вниз, к парку, к летней эстраде в нём. Всё ново и молодо в этом посёлке: люди, здания, деревца вдоль асфальта. В воздухе стоит сплошной говор, смех, слышатся гитарные брэнчанья, переборы гармошек. Внизу, в тополиной роще, приспособленной под парк, в киосках продают газводу, мороженое, на летней эстраде скоро начнётся кино, концерт или танцы. Что говорить, нам тоже хотелось попасть туда, хотя бы к концу гулянья.

Я цеплял крюками стропов подмости у наружной стены.

Боря с Верочкой принимали их, устанавливая по месту, вдоль внутренней капиталки. Когда они не справлялись, подбегал помочь им. Клава тоже поняла наш настрой: почти непрерывно гудели все три мотора её крана. Она одновременно двигалась по рельсам, делала поворот стрелой, поднимая или опуская груз.

Как бы мы ни были увлечены работой, недвижимый и потому неощутимый майский воздух не давал покоя. Хоть надсадно шумело в металлических трубах, подающих дутьё в чрево старой домны, вскрикивали маневровые паровозы с раскалённым чугуном в ковшах, и пахло горячим металлом и угольной гарью, ничто не могло заслонить покоя вечера, его уходящего меркнувшего сияния. Потерянно в просторе неба блеснула первая звезда. Далёким голубым мерцанием она как бы посылала сквозь наносимый с коксохима чёрный дым настойчивый, таинственный привет земле.

Было слегка тревожно на душе от того, что этот вечер, как чудо или счастье, касаясь тебя, проходит мимо, неуловимо ускользает. И больше уже никогда не вернётся, не повторяется.

Боря, как всегда, работал с шутками.

— Клава, майнэ! — дразня Верочку, кричал он.

— Хватит насмехаться, Борис, — просила Верочка, — теперь так не говорю.

Но через некоторое время Лисичкин снова покрикивал:

— Майнэ помалу! Майнэ помалу!

— Не буду с тобой работать, — Верочка отходила в сторону. Но обижалась она недолго.

Посмеиваясь над шутками Бори, я не переставал чувствовать беспокойно-счастливую маету на душе. Томительно тянулось время.

Вдруг будто слабым дуновением с танцплощадки нашего городка занесло сюда отрывок музыки, и сразу же его поглотил шум завода. В этот коротком отрывке угадался ритм весёлого фокстрота: «На меня ты, Чико, Чико, посмотри-ка...»

— Танцы начались! — удивилась Верочка и развела, как луна-тик, руки в стороны, заперебирила ногами по настилу подмостей.

— Ох, ёк-макарёк, — одёрнул её Боря, — открой глаза-то, сейчас тебе Клава кирпич на голову поставит!

Над Верочкой как раз опускался захват. Клава, увёртываясь с захватом от Верочкиного кружения, не рассердилась, даже понимающе улыбнулась там, на верхотуре, за стеклом своей кабины.

Наступили сумерки. Мы включили прожектора (их всего было два) и направили свет на капиталку. Боре с Верочкой он нужнее, а мне нетрудно зацепить петли подмостей и в темноте.

Клава тоже включила свои, но тот, что висел на конце стрелы, зажётся и сразу погас. Перегорела, видно, лампочка. Чтобы заметить её, надо смайновать стрелу

до земли — времени с час уйдёт. И мы все согласились доработать смену без этого света.

Я прыгал с одних подмостей на другие, забирал захватом поддоны с кирпичом, чтобы затем свободный столик отправить к Боре с Верочкой, а завораживающий ритм фокстрота неотвязно звучал в голове, разжигая ещё большее чувство беспокойства.

Причина его, в общем-то, была мне известна, но только я не хотел признаться в этом даже себе. В молодости мы ведь страшно са-молюбивы.

Всё очарование этого вечера было, конечно же, каким-то образом связано с той девушкой, о которой думаю почти постоянно. Будто мы всё видим и воспринимаем с ней вместе.

Она работает наладчицей автоматики на новой домне. Сейчас между нами очередная размолвка, но в такой вечер не хочется в это верить, и кажется, что ничего плохого не произошло. Я всё время представляю её в комнате девичьего общежития: подруги ушли со своими парнями, а она тоже поняла вздорность нашего разлада (нет, сейчас невозможно не понять и не простить) и ждёт, когда я вернусь с работы, и мы успеем ещё посидеть на скамеечке в парке.

Но как только заиграл фокстрот, словно бесёнок подтолкнул меня в бок и стал нащёптывать: конечно, усидит она тебе дома. И вот я уже вижу её в тесном кругу танцплощадки.

Во тьму неба, за вершины серебристых в электрическом свете тополей взмывает поющая медь оркестра, кружатся пары, мелькают чуткие к музыке её ноги, улавливая малейшие такты партнёра.

Мы встречаемся уже год, но ни одного дня с тех пор я ещё не знал покоя. Меня постоянно гложет мысль, что я мало достиг в жизни и ничего для неё не значу. А о ней пишут статьи в городской газете, фотография её, сделанная так художественно, что хоть сейчас помещай на обложку журнала «Работница», красуется в парке среди передовиков труда. Поэтому мне всё время кажется, что она тайно мечтает о ровне себе, ждёт встречи с сильным и смелым парнем, например, монтажником-верхолазом. Многие наши девчата были от них без ума, так окружала их слава смелых, отважных ребят. Из-за моей скрытой ревности у нас и случаются ссоры.

Вскоре она больше молчит и с недоумением смотрит мне в глаза, как бы говоря: «Глупый ты, глупый». Затем поднимается и молча идёт к общежитию. Я смотрю ей вслед и жду: вот сейчас сойдёт её чёткий шаг, сникнет в раскаянье гордая стать, и она обернётся, взглянет повинно. И с трудом сдерживаю себя, чтобы не побежать вдогонку просить примирения.

Мы часто ходим с ней на танцы. Но если её приглашает другой кавалер, так громко и надсадно у самого виска звучит тогда оркестр.

В глазах мельтешат лица, но я вижу только её. Меня бесит её улыбка, которой время от времени одаривает она своего партнёра. Хочу в отместку пригласить какую-нибудь девушку, но сейчас они все неинтересны.

Умолкает вальс, и я замечаю, как она покидает того парня, пробирается сквозь толпу ко мне.

— О чём ты тут так задумался? — спрашивает она, совсем-совсем невинно улыбаясь.

Но какая интонация, какая мелодия в голосе! Вроде не говорит, а выпевает слова и лёгким нажатием руки на моё плечо требует ответа. «Ага, — злорадствую я и чувствую, как отрадное успокоение разливается по всему телу, — значит, и тебе несладко, и ты играла...»

...Наша работа близилась к концу. Боря с Верочкой освободили захват, и Клава приподняла его. Я же пошёл по наружной стене. В другом конце здания мне нужно было подцепить ещё один поддон. Пошёл по стене, так как не захотел на том конце взбираться на другие подмости. Не раз ходили мы так и раньше, грубо нарушая правила безопасной работы.

Где-то в конце пути я почувствовал позади себя бесшумное движение. Обернулся — ко мне вплотную приближался захват. В темноте (свет-то на стреле не горел) Клава видеть меня не могла и, значит, не остановится. Как быстро в опасности работают мысли! Захват был от меня менее

чем в полуметре, продолжал двигаться, и в какие-то доли секунды я прикидывал, как спастись.

Кричать Клаве — бесполезно: даже если она сразуотреагирует, стрела в своём повороте проделает по инерции не меньше метра. Убежать вперёд или назад — не успею. Захват шёл поперёк моего пути и тем или другим краем заденет меня. Если пригнусь и даже упаду на стену — его нижние кромки стащат за одежду. Был ещё один выход — ухватиться и повиснуть на захвате. Но в мокрых рукавицах не удержусь, соскользну.

Мельком глянул вниз, в пропасть, и всё во мне похолодело от ужаса.

В это время захват ударил мне в спину, и (деваться уже некуда) я сам, чтобы не лететь кувырком, слегка оттолкнулся ногами от стены и полетел вниз на склады стройматериалов.

В первый миг меня охватил животный страх: жизнь оборвалась. В следующий — пришло отчаянное безразличие: всё равно уж теперь. Как только встречный воздух парусом вздул куртку за спиной, я невольно глубоко вздохнул, и этот вдох вылетел из груди пронзительным заячьим криком.

После я удивился, как много смог вместить тот, следующий миг — отрешённости и безнадежности. Вспомнилось и самое дорогое, значительное, и даже смешное. Так отметил, что поддон, за которым шёл, я уже никогда не

зацеплю. Увиделась она в танце. И это горькое: пусть уж теперь... Представил, как завтра утром мать с отцом ещё будут справлять по дому свои нехитрые сельские хлопоты, не ведая, что по проводам к ним спешит страшная весть. Всё это мелькнуло мгновенно, будто ворохнулись стекляшки в калейдоскопе.

И всё-таки инстинкт заставлял меня сопротивляться смерти. Я старался выровнять тело так, чтобы упасть на ноги.

Спасла меня куча земли в конце крановых путей. (Так в то время почему-то оборудовались тупики). Её рыхлый откос и смягчил удар.

С минуту я сидел неподвижно, не веря, что жив, и ничего не ощущая. Вдруг перед глазами появилось белое пятно, в котором затем различил лицо Клавы. Ещё подумал, что и она прыгнула вслед за мной из кабины, иначе как можно так быстро соскочить с крана.

Прибежали перепуганные Боря с Верочкой. Все трое возбуждённо говорили, но я не разбираю их слов. Чего они так переполошились? Наверно, я получил какое-то увечье и не догадываюсь об этом вгорячах.

— ...скорую, Вера, звони в скорую! — наконец разобрал я Борины слова.

— Зачем? — говорю и попробовал подняться.

Мне бросились помочь, и я встал на деревянные, совсем не свои ноги. Поддерживаемый

Клавой и Борей, пошёл как на ходулях, задевая сапогами кочки. Всё ждал: вот тело пронзит боль. Нет, даже признаков её не было.

Пока шли, я уже нервно посмеивался, вспоминая свой нелепый полёт, как ребёнок, радуясь, что вьвяв вижу весь как бы вновь воскресший для меня мир.

Скорая вместе с Верочкой догнала нас на трамвайной остановке. Я отказался ехать в больницу. Даже сделал перед женщиной в белом халате несколько гимнастических движений: резко прогнулся в спине, с силой топнул ногами, чтобы доказать, что цел и невредим.

В комнате общежития, не зажигая света, лёг в койку и сразу же почувствовал боль в спине. Ломило в позвоночнике. Долго ворочался, надеясь, что в каком-то положении боль пройдёт. Походил по комнате, сел за стол. Ломота уменьшилась. Сидел и смотрел на утихающий посёлок.

Вдруг в девичьем общежитии напротив, в комнате, где она жила с девчатами, зажгёлся свет, и её силуэт чётко обозначился на белой занавеске окна. «Всё верно, — хлынули в голову мысли, — была на танцах...»

Она походила по комнате, потом склонилась над койкой, приготовила постель. Будто дразнила меня, стала в профиль и движением тонких рук сняла через голову платье. Снова заломила руки и, выпятив высокую под сорочкой грудь, освободила заколки; волосы тяжело упали ей на спину.

Вскинула лицо, о чём-то мечтательно задумалась или вспомнила приятное. Скоро профиль исчез и погас свет. «Ну, милая, — мрачно подумал я, — меня смерть в когтях держала, а ты в это время... Такое не прощается. Ногой не ступлю к твоему общежитию».

Утром ребята собирались на работу, а я сквозь дремоту прикидывал: боль не усилилась, за день, возможно, совсем пройдёт, и вечером, как ни в чём не бывало, выйду на смену.

Постучали в дверь, и она шумно распахнулась — к нам без конца заходили ребята из соседних комнат. Но тут стало тихо, и кто-то летучим шагом прошёл к моей койке. Открыл глаза — она наклонилась и пристально, в упор смотрит в лицо. Ребята в первую же минуту убрались из комнаты. У меня всё смешалось в голове. Я чувствовал, как расплывается, сияет моё лицо, и вроде ещё жила где-то в глубине вчерашняя обида. Но руки сами потянулись к ней, усадили рядом.

— Где болит? — она быстрыми, осторожными касаниями ощупала плечи, ноги под одеялом.

— Нигде, спина немножко...

— Сейчас врача вызову.

— Что ты, что ты! — испугался я и подумал: кто же ей сказал, Верочка Майнэ? Не дай бог растрезвонит!

— Ох, герой, герой! — вздохнула она и зарылась лицом в простыню. — Перепугал ты меня...

Я дотронулся до её волос на

затылке, и меня вскинуло, понесло сильной плавной волной, под сомкнутыми веками зажгло влагой. А недавняя обида подтолкнула как бы ненароком:

— Вчера на танцах была?

— Да, думала, тебя увижу.

Ещё горячее стало под веками.

— Тебе же на работу, иди! — слегка толкнул я её: мне не хотелось, чтобы она видела мои мокрые глаза. Не подымаясь, она качнула головой:

— Подождёт работа. С ней-то ничего не случится...

...За ночь я, наверно, не оправился от вчерашних волнений, поэтому ненадолго засыпал. Открою глаза — она уже без куртки запросто, по-хозяйски прибирается в комнате. Пол вымыт, на столе ничего лишнего. Смотрю на неё и терзаюсь стыдом за ту чепуху, надумки, что многие дни лезли в голову. А она обернётся, издали

пошлёт улыбкой свою женскую надёжность, успокоение.

Дня три я ходил с огромными, несужающимися зрачками. И редко заглядывал в зеркало: неприятно было видеть как бы застывший в глазах ужас.

Но удивительно, стройка не отпугнула меня, сбросив с высоты четвёртого этажа. Я до сих пор не представляю иной для себя работы и опять лазаю везде без всяких предосторожностей.

Дома же опять всё не так просто. Появились дети, и её забота и нежность как бы перешли к ним. А ты вроде в тени, в забытьи. Иной раз даже тоска прижмёт. Заберёшься куда-нибудь на верхотуру, и настигнет вдруг блажная мысль: загудеть бы, что ли, как в тот вечер. Только это самое... не насмерть. Чтобы увидеть её прежнюю, этот наполненный трепетом взгляд.